

18+

ВЛАДИМИР СОКОЛОВСКИЙ

ОБЛАКО, ЗОЛОТАЯ ПОЛЯНКА

повесть-сказка в письмах

Владимир Соколовский

Облако, золотая полянка

«Издательские решения»

Соколовский В.

Облако, золотая полянка / В. Соколовский — «Издательские решения»,

«Облако, золотая полянка» — повесть-сказка в письмах Владимира Соколовского. Камерная история о приезде молодого человека в провинциальное место постепенно раскрывается как разговор о человеческом достоинстве, одиночестве, памяти и живой связи человека с миром.

Содержание

Владимир Соколовский	6
Повесть-сказка в письмах	7
Письмо второе	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Облако, золотая полянка

Владимир Соколовский

© Владимир Соколовский, 2026

ISBN 978-5-0070-3935-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Владимир Соколовский
ОБЛАКО, ЗОЛОТАЯ ПОЛЯНКА
Повесть-сказка в письмах
Электронное издание
Подготовлено правообладателем
Правовая информация

Автор: Владимир Григорьевич Соколовский.

Исключительные права на произведение принадлежат наследнику и правообладателю Соколовскому Алексею Владимировичу.

Любое воспроизведение и распространение текста допускается только с согласия правообладателя, если иное не предусмотрено законом.

Повесть-сказка в письмах

Письмо первое

Любезный друг мой, Олег Платонович!

Только ли взаимным уговором не забывать друг друга и обмениваться весточками о течении нашей жизни следует объяснить нетерпение, с которым ждал я времени, когда смогу наконец сесть за стол и солидно, обстоятельно описать Вам свое пребывание в местах, где оказался волею судьбы?

Должен сказать, что здешние старики просто обожают ходить в галифе — наверно, половина в них ходит, хотя непонятно, где они их покупают. В ателье шьют, что ли? Не избежал этой участи и хозяин дома, к которому подошел я три дня назад в сопровождении — знаете, кого? — милиционера...

Устав стучать в двери, мы подошли к огороду и стали окликать хозяина. Из кустов вышел старик, плешивый и коренастый; усы у него, как у Буденного, и очень к ним не идет маленькая кудлатая бороденка. Одет он был в серую рубашу, выпущенную поверх галифе.

Подойдя к нам, старик совсем недружелюбно закричал: «Что вам здесь надо?!» — несмотря на то, что спутник мой находился в форме, а следовательно, при исполнении служебных обязанностей. Но участковый не стал ругаться, а миролюбиво сказал, что привел постояльца. На эти слова старик еще больше разозлился и с криком заявил, что, мол, мы не имеем на это никакого права, никого он к себе в дом не пустит и лучше нам убираться подобру-поздорову! Товарищ старший лейтенант все так же тихо ответил ему, что, во-первых, он не советует так с ним разговаривать, ибо он при исполнении, а во-вторых, слышал он от людей, что у хозяина есть некоторые затруднения с перерасчетом пенсии, а так как этот юноша (он так и сказал: «юноша») работает в собесе, то в качестве постояльца он был бы небесполезен. Хозяин подумал, схватился за коленку, сказав: «Можжит. Опять роет, тварь!» — и бросился бежать к кустам, прилегающим к дому. Оттуда послышалась его ругань и собачий визг. Участковый поглядел на меня, вздохнул и покачал головой. Вскоре хозяин вернулся, но тон его был уже спокойнее. Он спросил:

— Что, правда в собесе работаешь? Я ответил, что правда, а прибыл сюда после окончания среднего специального учебного заведения.

— Специального, понял? — с угрозой в голосе спросил участковый.

Старик поскреб в затылке и сказал:

— Значит, к начальству вхож. — И после этого сделался даже добр, стал расспрашивать, откуда родом, кто родители и т. д.

Товарищ старший лейтенант заявил, что если так, то он пошел — у него дела. Хозяин еще помялся немного и махнул рукой:

— Ладно, живи, куда тебя девать!

Участковый на прощание сделал замечание насчет бани, чтобы старик был потише, а то жалуются соседи; тот же ему ответил, что соседи жаловаться не могут, потому что третью неделю в магазинах нет портвейна, а от водки у него изжога. Мне эти разговоры показались непонятными и даже странными, хотя, подумав, я сделал вывод, что хозяин покупает портвейн и пьет его в бане; неясно только, какое от этого неудобство соседям. «Впрочем, почему неудобство? — думал я. — Может быть, это протест с их стороны против того, что человек посредством алкоголя утрачивает свой моральный облик? Кстати, непонятно, почему он пьет в бане, если дома живет один и никому помешать не может?» Но долго я об этом не раздумывал, потому что старик подхватил мой чемодан и впереди меня понес его в дом.

Человек я, в общем-то, как сами знаете, довольно нерешительный, житейского опыта у меня мало, близких родственников, кроме мамы, не имею. Но так чтобы оказаться совсем уж одному, это со мной случилось впервые. Может быть, поэтому до сих пор не могу разобраться: то ли все идет как надо, то ли копошится вокруг меня какая-то глупость и заваруха? Вас не хватает, мой друг, оттого на почту мои упования. Помню, как душевно отнеслись Вы ко мне в больнице, где лежал после тяжелой операции, а теперь, когда отношения наши скреплены дружбой, думаю, что Вы с такими же чуткостью и пониманием будете воспринимать то, что происходит со мной здесь, в далеких периферийных местах. Ведь так же, как и Вы, истинное удовольствие я испытываю в основном в двух случаях: когда читаю произведения классиков девятнадцатого века, а также когда созерцаю природу, находясь в лесу или на берегу водных источников, как-то: реки, пруда, озера и т. п. А здесь, в незнакомой для меня обстановке, предвижу различные затруднения, в случае которых буду просить у Вас совета, как у человека пожившего и в годах.

Последняя наша встреча, если помните, произошла во время государственных экзаменов, я их сдавал, заканчивая финансовый техникум. обстоятельной беседы между нами, к сожалению, тогда не получилось, потому что я торопился на консультацию, но ответу на вопрос, который не успел тогда осветить и который Вас, по-моему, сильно занимает. Поступил я в финансовый техникум исключительно потому, что он был единственным в нашем райцентре, а далеко от себя мама меня отпустить боялась. Вот и пришлось избрать профессию финансового работника, в чем я не раскаиваюсь: ведь экономика — это все! Но сколько было слез и крику, когда мама сопровождала меня на вокзал, чтобы посадить на поезд, отходящий в эти лесные края, куда я был направлен по распределению!

Но наконец все это позади, и слава богу. В настоящее время я вот уже третий день проживаю в райцентре, называемом Малые Овражки, Малоовражжинского же района. Народ здешний зовет этот населенный пункт просто Вражки, а речку, здесь протекающую, — Вражинка. Недалеко от города, в лесу, имеется озеро, называется оно Вражьим. Так что в чем тут дело, в оврагах или врагах, сказать точно не могу — не знаю. Овраги есть; враги, впрочем, тоже когда-то были, правда очень давно.

Теперь по порядку о событиях. Направлен я был в здешний райфинотдел на должность инспектора госдоходов. В работе этой, надо Вам сказать, есть свои плюсы и минусы. О минусах говорить не буду. Главным же плюсом считал служебные поездки по этому богатому природой северному краю, умело сочетаемые с его созерцанием и изучением.

Но жизнь рассудила иначе. Когда я по прибытии явился к заведующему райфо и объяснил ему свое появление, он выслушал меня с недоумением и сказал, что штатных единиц у него на данный момент нет и не предвидится.

Я растерялся и стал говорить: мол, что же мне делать, надо было раньше думать, когда они писали заявку в техникум. Заведующий ответил, что заявку действительно писали, но пять лет назад, и с той поры им техникум каждый год присылает по человеку, так что штат не только давно укомплектован, но и случаются разные недоразумения, вроде этого.

Вообще-то специалистов в районе не хватает, поэтому местное руководство старается удержать всех прибывших по распределению, по возможности трудоустроить, а в некоторых случаях даже переквалифицировать. Так, одна из выпускниц нашего техникума была по прибытии направлена на курсы агрономов-организаторов и теперь работает в колхозе, еще одну устроили бухгалтером в потребсоюз, а третья сразу же вышла замуж, родила двойню и теперь вообще уклоняется от трудоустройства.

Услыхав такие дела, я категорически заявил, что работать желаю исключительно по специальности, потому что вводить в заблуждение государство, которое тратило деньги на подготовку специалиста, не имею права и, в крайнем случае, могу пойти на то, чтобы вернуться по прежнему месту жительства, где мама имеет на примете должность в Госбанке. По правде

говоря, уезжать домой совсем не хотелось, и подумалось об этом даже со страхом. Нет, вовсе не потому, что я утратился встречи с мамашей — она человек по-своему добрый, а то, что запрещала мне читать художественные книги и ходить в кино на последнем курсе, — так ведь для моей же пользы. Тут дело в другом. Мне уже, что ни говорите, двадцать лет, самостоятельности же никакой я не видал, в то время как необходимость личного знакомства и взаимодействия с окружающей средой в этом возрасте настоятельно диктуется действительностью.

Но извините, Олег Платонович, немного отвлекся. Не описывая всех моих хождений по инстанциям в тот день, скажу только, что уже к концу его я вступил в кабинет заведующего райсобесом товарища Тюринка Аким Павловича на предмет оформления. Он встретил меня приветливо: проверил документы, поинтересовался семьей, спросил, не употребляю ли спиртные напитки, и тому подобное. Разговаривал он со мной заботливо, по-отцовски, и я ему рассказал, что спиртные напитки употреблял в своей жизни дважды, но не систематически, и другие интересующие его подробности.

После этого заведующий провел меня по помещению и показал кабинет, в котором буду работать. В нем два стола — один мой, а за другим сидит женщина лет примерно так сорока трех, с серыми глазами и доброй улыбкой, довольно полная. Зовут ее Олимпиада Васильевна, у нее так же, как у меня, среднее специальное образование, правда, сельскохозяйственное. От нее я узнал, что наш заведующий собесом — тоже пенсионер, но по выслуге лет. Она спросила, определился ли я с жильем, и тут я вспомнил, что, несмотря на приближающийся конец рабочего дня, вопрос этот еще не решен. Пришлось вернуться в кабинет заведующего и осведомиться, где я буду жить. Аким Павлович ответил, подумав, что это не проблема, первое время я могу спать на диване в его кабинете, а потом он договорится насчет койко-места в общежитии лесозаготовителей.

Тут у меня заболела душа, и я сказал, что в общежитии жить не хочу и не буду, потому что главное для меня — покой и чтение книг, в таком случае я уж лучше устроюсь жить в его кабинете, а в общежитие не пойду. Заведующий снова подумал и заявил, что это вариант тоже неприемлемый. Так мы сидели друг против друга довольно долго, пока он не хлопнул ладонью по лбу, не позвонил какому-то Алексею Флегонтовичу и не попросил его зайти. Когда тот пришел, я увидел перед собой очень толстого пожилого мужчину в милицмейской форме и с погонами старшего лейтенанта на плечах. Товарищ Тюринчик успокоил меня, объяснив, что это его бывший сослуживец, местный участковый, и, возможно, при его содействии вопрос с жильем удастся решить положительно. Но участковый, выслушав его просьбу, сказал, что в данный момент подходящего жилья на примете не имеет, разве что у Егора Дементьича.

На это заведующий категорически возразил, что не позволит влияния на подчиненных в отрицательном смысле, а Егор Дементьич человек неясный. Участковый согласился насчет неясности и стал успокаивать: мол, вообще-то данный гражданин Лыков никого на квартиру не пускает, не пустит и меня. Тут товарищ Тюринчик, совсем разволновавшись, заявил, что пусть попробует не пустить, потому житье одному в таких хоромах — уже само по себе деяние противоправное или, по крайней мере, граничит с ним. После этого мы с Алексеем Флегонтовичем вышли из собеса и направились на окраину города. Шли мы далеко, городок длинный, тянется по обе стороны большого оврага, и там, где овраг этот сходит на нет и начинаются обширные заливные луга, а дальше лес, а за лесом еще не знаю что, — и стоит дом, к которому привел товарищ старший лейтенант. Дом, правда, большой. При нем огромный огород с баней в одном углу и зарослями кустарника в другом. Потеряться в избе, несмотря на ее обширность, трудно — все на виду. Только в одном углу отгорожена маленькая каморка, тесная и захламленная. Хозяин провел меня в нее и сказал: «Вот, располагайся!» Там стоит железная голая кровать. Он заявил, что на сегодня застелет ее кой-какой одежкой, а завтра притащит со мной с чердака старый пружинный матрац. Сам он летом спит во флигеле — да, да, у него и флигель есть, он его, правда, называет мастерской, но когда я проник туда, то, кроме батареи бутылок из-под

портвейна, обломка топора и старого рубанка, никаких рукотворных предметов не обнаружил. Свалены какие-то шкуры, сушатся травки, валяются корешки и диковинные сучья.

Устроившись, расположив свои вещи, я вышел на улицу и сел на лавочку.

Сказать честно, я сильно устал за этот день. Приезд, устройство на работу, хлопоты с квартирой утомили меня. А тут я увидел закат. Ах, какой это был закат! Это надо видеть, это никак нельзя представить себе — пространства, расположенные за домом. Вроде они конечны, потому что ум ясно представляет невозможность такой безбрежности: ведь везде, везде лес. Но он не ограничивает взгляда — и это поистине удивительно.

Вы знаете, обычно пишут: «Солнце цеплялось за верхушки сосен (или елей)», фраза в общем-то правильная и даже красивая, но после того, что увидел, не смог бы, клянусь, не смог бы я написать такой фразы, ибо она была бы неправдой. Солнце не цеплялось за верхушки, а падало в какой-то неизъяснимый морок (пока сам не могу растолковать этого слова, но чувствую, что оно верно, ибо складывается из тумана и охватывающей все небо золотистой измороси), и в этом тумане, измороси, во всем мороке изумрудно блестят, переливаются, плещутся те луга, о которых я тоже уже писал, и нет им ни конца ни края, а я на скамейке, как на шлюпочке, — и катится солнце за зыбкий горизонт. А там, где должен стоять лес, — к я совершенно точно знаю, что он там есть, я видел его до захода солнца, — теперь вижу только буйный, причудливый хаос зелени, и где-то там, среди этих зеленых сверкающих россыпей, одиноко бродит худая старая лошадь.

Я увидел ее и сразу забыл. А она, вырвавшись из этой круговерти, подошла к нашему дому и коснулась мягкими губами моей щеки. Я испугался, вскрикнул и кинулся к крыльцу. На нем стоял хозяин и усмехался.

— Что, боишься? — спросил он. — Не бойся, это меринок мой, Андрюха. Андрюх, иди сюды. Я тебе сахарку вынес. На, милоч. Ишь, баловник, отворачивается. И то, там трава-то — ах, сахарная! Сам бы ел — ну, ей-богу, пра!

— Между прочим, — холодно сказал я, — рабочий скот держать в личной собственности граждан воспрещается.

— Да как тебе сказать. — Старик почесал затылок. — Он, если по правде, и не мой вовсе. Так только, считается. Прибрел прошлой осенью, да так и живет. Я доложил, куда следует; приходили, смотрели. Но только все говорят, что не ихняя. Я и оставил. Кому он нужен, такой старый? Я думаю, он от цыган пришел. Они в прошлом году туточки проходили. Видно, забить хотели или продать, а он о том вызнал да ушел. Я и рад — пущай живет, все какая-то живая душа рядом. Андрюха, Андрюх — иди сюды, дурачок!

— Как это вы? — удивился я. — Человечьим именем животное называете.

— А человек и есть! — весело воскликнул хозяин. — Конечно, каждому живому свое понятие от веку дано, да ведь дается-то оно от единого, то есть начала.

— Это какого же начала? Вы что, насчет бога имеете в виду?

— Бога, бога, — проворчал он. — Больно нужно! Слышал, может, слово такое есть: прырода! Да ладно, идем ин чай пить.

В избе, на колченогом табурете, глотая черную тягучую жидкость (и чего он в нее намешивает?), я с интересом смотрел на сидящего напротив хозяина. Кстати, любезный Олег Платонович, увлекшись разговорами, совсем запамятовал я описать убранство жилища, в котором волею судеб теперь проживаю. Это в двух словах, Вы уж не посетуйте. Писалось, что отгорожена каморка, куда меня поместили. Более же никаких перегородок на территории избы не имеется. Стоит огромный, нелепый, грубо сколоченный стол. Он, по сути дела, не считая нескольких утлых табуреток и скамьи вдоль стены, составляет всю обстановку. Да, вот еще: на стенках горницы — две цветные фотографии из журнала «Огонек». На одной из них — зафиксированная в прыжке балерина. Сцены не видно под ней, и кажется, что она летит. Как прекрасно искусство! На другой фотографии запечатлено торжественное событие:

пуск нового блюминга. Казалось бы, какие огромные площади при великаньем метраже избы должны пустовать! А странно: нет ни обстановки, ни мебели, но и ощущения пустоты тоже нет. Объясняется это, по-моему, величайшей захламленностью — все теми же шкурками, сучьями, травками, над которыми возносится немножко затхлый, прогоркловатый запах одиноко живущего старого человека.

Вот и все о избе, пожалуй. Имеется под ней еще и погреб. Не стал бы загромождать рассказ этой деталью, но приспособлю ее к случаю. Вдруг во время чая старик крикнул, схватился за поясницу и загудел: «Отпустило. Попалась, зараза!» Выбежал на середину горницы, рванул кольцо крышки погреба и исчез в нем. Появился через некоторое время, вздымая в руке огромную жирную крысу, — уже дохлую, по всей вероятности. Прошествовав передо мной, он бухнул ногой в дверь и выкинул крысу в темноту. Сел, блаженно улыбаясь, и начал тереть крестец, приговаривая: «ну, зараза, ну, зараза, помаяла ты меня...»

И то ли случай этот столь сильно потряс меня, то ли одурманил дедов чай, заедаемый бутербродами с колбасой диабетической, то ли усталость взяла верх в организме, но сам не помню: дошел я до кровати или свалился с табуретки тут же, возле стола?

Проснулся, впрочем, в кровати, но это неважно. Важнее то, что с утра я приступил к исполнению своих непосредственных служебных обязанностей. День прошел великолепно: я не только проникся сознанием ответственности своего дела, не только вошел в круг сослуживцев — людей доброжелательных и достойных всяческого уважения, но и сам внес некоторую лепту: составил два ответа на письма пенсионеров, которые товарищ Тюричок, самолично прочитав, велел отправить почти без переделок. Главное же — записался в библиотеку. Правда, любимых мною классиков прошлого века в ней не так уж много; ознакомившись с моими вкусами, библиотекарьша сказала, что, к сожалению, большая часть интересующих меня книг находится на безвозвратном прочтении. От собраний сочинений, к примеру, остались только последние тома с содержащимися в них письмами. Я взял письма Тургенева, Льва Толстого, а также любимого мною классика Гоголя Николая Васильевича. Под свежим впечатлением от прочитанного, пред светлым ликом гениев и в беспредельном восхищении чистотой их слога я и позволил себе — невольно, быть может подражая их стилю, — написать Вам это послание на исходе третьего дня моего здесь пребывания.

Кстати, о третьем дне: сегодня в город завезли портвейн. По пути на обед я увидел в очереди возле винного магазина хозяина. Он был трезвый, с огромной сумкой. Заметив меня, он отделился от очереди, подошел и спросил, не могу ли я несколько заплатить за квартиру в счет будущего проживания. Пришлось дать ему пятерку из подъемных. Подходя вечером, после работы, к дому, я услышал странные звуки: будто что-то тряслось и гудело. Скрипели доски, хлопали двери, а из всего этого шума складывалась довольно внятно незамысловатая мелодия популярной песни «Арлекино». Я удивился, но, увидав стоящего возле амбара старика, виду не подал. Когда я спросил, в чем тут дело и почему в окружающую среду врываются посторонние шумы, он покачнулся, повернулся лицом к огороду и, выбросив руку в направлении бани, прохрипел: «Вона»! Действительно, звуки доносились оттуда. Я обогнул огород и подошел к бане. Потрясение ожидало меня: ходила каждая досочка на крыше, на предбаннике, на дверях... Дотронулся до угла — он тоже визжал, постанывал, ворочались и бормотали бревна в пазах. И все эти шорохи, пiski, визги, шуршанья и скрипы старого уже, почерневшего дерева необъяснимым образом складывались во вполне осмысленную мелодию, сочиненную к тому же, как я слышал, зарубежным композитором. На окне мелькали какие-то блики, голубоватое свечение, — игра света удивительно вплеталась в мелодию. Однако, сколь я ни вглядывался внутрь, источника его так и не обнаружил.

Думаю, что в момент, когда я отходил от бани, мы с хозяином являли собой картину в общем-то одинаковую: меня тоже шатало из стороны в сторону. Тем не менее нашел в себе силы подойти к нему и спросить, вложив в вопрос всю воспитанность, на какую только был

способен в этой ситуации: «Послушайте, дедушка! Что у вас там, в бане, — черти завелись?» Старик покачулся, сжал ладонь в кулак и, вознеся его над головой, протрубил: «Пры-рода!» — после чего уплелся в дом.

И вот теперь пишу Вам письмо. Из огорода доносится элегическое: «Присядем, друзья, перед дальней дорогой...» Хозяин топает в пристрое и звенит бутылками, из окна пучится на меня огромный глаз старого мерина Андрея, а далеко в лугах что-то гулко бухает. Чудится живое в хламе, громоздящем избу; кажется, стоит кому-то скомандовать — и он запляшет, закружится по комнате, завывая: «Давай, космонавт, потихонечку трогай...» — и тогда я, наверное, сойду с ума...

Остаюсь с совершенным почтением

Тютиков Гена

Письмо второе

Уважаемый сударь мой, Олег Платонович!

Здравствуйте, вот и опять я. Вы небось удивитесь: почему же «сударь»? Да потому, что, прочитавши за время пребывания здесь множество писем из собраний сочинений, не могу налюбоваться обращениями, которые употребляли между собой живущие в те времена люди: есть в них и тонкость, и душевность, и тому подобная обходительность. Есть еще, правда, выражение «государь мой», хотел я его употребить относительно Вас, да постеснялся: уж больно старорежимное. Вы и не обидитесь на это, я думаю, как не обижаетесь на то, что докучаю Вам, человеку чрезвычайно занятому по своей основной специальности техника-землеустроителя, своими откровениями. Две недели прошло, как я послал Вам первое письмо, уж и ответ получил, за который большое спасибо. Пишете, что июль там выдался неважный, все больше с грозами, два раза даже был град. И у нас прошли грозы, но легкие и короткие: бывало, по три грозы на день, а солнце все светит и светит с утра до вечера. Одна из гроз застигла меня, когда я в обеденный перерыв купался на речке. Я спрятал одежду под лежащую вверх дном лодку, а сам залез в воду. Что тут было! Вспыхивали и гасли молнии, бесновалась, выплескиваясь из воды и взблескивая боками, рыба. Из леса на другом берегу вылетели птицы и начали низко носиться над водой, выхватывая серебристые тела. Одна из них налетела на меня, ударила крылом и, закричав, взмыла вверх, ускользая от приближающегося ливня. А когда он ударил, я уже ничего не видел: ни птиц, ни рыбы — все исчезло в кипящем серебре. Теперь клекот воды слился с клекотом леса, — то ли сам он шумел, то ли кричали спрятавшиеся там птицы. А я, стоя по шею в воде, захлебывался от потоков, льющихся сверху.

С перерыва опоздал, конечно, потому что идти под дождем на службу и прийти мокрым не хотелось: вдруг мне на прием направили бы гражданина или гражданку — они увидали бы, что я в мокрой одежде, и это могло подорвать мой авторитет как должностного лица, а также и всего нашего учреждения. Впрочем, граждан на прием ходит мало: за полмесяца мне пришлось разбираться всего с тремя. В основном же подшиваю пенсионные дела, отвечаю на запросы из области и беседую на различные темы с соседкой по кабинету, Олимпиадой Васильевной. Штат сотрудников здесь хороший, все прекрасно ко мне относятся и приглашают домой пить чай. Нравится даже атмосфера, царящая в организации: тихий коридор с пыльными лучиками из окна, деловитые люди за столами в кабинетах, неторопливое обсуждение политических и местных новостей. В общем, работается хорошо, чего и Вам желаю. Но главное не в работе, там все в порядке. Главное — дома, а дома-то интересные дела творятся, любезный Олег Платонович! Когда в городе наконец кончился портвейн и баня перестала шуметь, я в категорической форме попросил хозяина объяснить его странное поведение. Он побряхтел, покурил; вдруг заморщился и сказал:

— Опять в мизинец стреляет. Ну, стервецы, покажу я вам...

Выбежал в огород и стал ухать на соседских мальчишек, копающихся возле забора. Вернувшись, объяснил добродушно:

— Вот видишь — они сейчас тынинку выдергивали, а у меня в мизинец начало постреливать. Как дернут — так стрельнет... И во всем так. Крот яму под домом роет — словно меня буравит. Мышь под полом пробежит — а мне щекотно. Такие-то, Геничка, дела.

— А баня? — спросил я.

— Баня-то? — Он заморгал, полез за платком. — Да тут, брат ты мой, целая история вышла. Роман можно писать, да еще с двоеточием (при чем здесь двоеточие — никак не понимаю). Было нас двое братьев. Отец наш за год до германской помер, мать долго раньше, вот и остались вдвоем.

Мы погодки — было нам немножко больше двадцати, когда гражданская началась. Домишко наш стоял на этом самом огороде, в нем и жили. Город тогда совсем маленький был, вроде деревни, а люди охотничали, рыбу ловили, лес валили. В гражданскую-то все, почитай, в партизаны наладились. Споначалу на дорогах белых стерегли, а потом, когда они за нами гоняться стали, кружили их по здешним лесам, да так и закружили: никто, наверно, отседова не ушел. А мы с братом-то, с Фомой, вместе были. И вот как-то случилось — уж под конец, перед тем как из лесов выйти, — вдруг пыхнуло что-то в нас. Смотрим друг на друга, глазами хлопаем и слова вымолвить не можем. Глядь — я ему свою, а он мне свою фляжку протягивает.

— Горит? — спрашиваю.

— Да, — говорит, — горит.

Во как сполыхнуло. Обожгло душу, да так и палило, пока до дому не добрались. А от дома-то — одни головешки. Начали снова строиться. И только тогда жечь перестало, когда мы этот дом с баней выстроили. Каждое бревнышко, каждую досточку одна к одной прилаживали, ласкали да холили. Так и жили.

Потом брат фашиста бить ушел. Один я остался: меня в ту пору медведь ломал — болел сильно. И вот как-то зимой, ночью, будто ударило меня. Слышу — шум какой-то из огорода. Выбрался, а там баня вальс «Амурские волны» наскрипывает, грустно-грустно... Очень Фома этот вальс любил, все на гармошке играл. У меня тогда аж коленки подкосились — заплакал, ушел в избу. А через неделю и похоронка пришла.

Так и живу с тех пор один. И до того родное мне тут все, что с течением времени стал чувствовать и крота в огороде, и мышь под полом. Сжился — потому как это тоже родина, Генко... А теперь — эх!

Старик махнул рукой, поднялся и вышел. Я тоже пошел на крыльцо. Он гладил мерина. Обернулся ко мне и сказал:

— Теперь вот и Андрея так же. чувствую: каждая шелудинка на его шкуре во мне болит. Пры-рода! — И он многозначительно ввинтил вверх корявый палец.

«Ну и дела», — подумал я.

Вообще, странное место. Вы только не подумайте, что я здесь с ума сошел и все такое прочее. Дом, конечно, домом. Тут хоть что-то свое есть: изба, всегда прохладная и сумрачная, в которой отгорожен твой угол; живой человек все время рядом — это все ничуть не странно, а вот за домом удивительнейшие вещи можно наблюдать, и это уже совсем из другой области. Взять хотя бы вчерашний день, когда я впервые отправился рыбачить на Вражье озеро. Взял стариковы удочки, честь по чести, накопал червей и через лес вышел к озеру. Оно огромное-огромное, и вода чиста невероятно. Берега густые, травянистые, а посередине озера имеется крохотный островок — весь в камыше, но такая деталь: раз глянешь — далеко-далеко где-то, толком не углядишь, другой раз — совсем рядом, рукой подать. Я, правда, долго не разглядывал: размотал удочки, насадил червей и закинул. Рыбы — ох! — маленькие, большие, всякие, ходят возле червей (в глубину далеко видно), и хоть бы хны, ноль внимания.

И вдруг слышу: кто-то хихикает, словно скрипит. Поднял голову, гляжу: на островке, напротив меня, мужичок сидит. Я его сразу узнал: на днях в хозяйственном магазине встретил, когда зашел приглядеть мышеловку для дедова обихода; мыши бегают, проклятые, под полом, щекочут его — кряхтит, чешется старина. А этот мужик пять приборов для очищения воды под названием «Родник» покупал. И вот сидит теперь напротив меня и смеется себе. И ни удочки у него, ни лодки. Как же он, думаю, на остров-то перебрался? Однако вида не подал и спросил вежливо:

— Здравствуйте. Как улов?

Похихикал он, на воду пальцем показал и говорит:

— Цып-цып, куть-куть, ах вы, окаянные...

Человек как человек вроде. Лысоват. Волосы рыжие. Рубашка синяя, в полоску. Серый простенький костюм; плетенки на босу ногу. Я помялся немного и снова подал голос:

— Вот беда-то! Хоть бы один поклев увидеть.

Он снова захихикал и вдруг спросил:

— Ай мне жалко? Хошь, Вахрамеевну к тебе пошлю?

Я махнул рукой.

— Без женщин забот хватает! Рыба не клюет, видите?

— Ах, ах, — закудаhtал мужик и повалился в камыши. Потом вскочил и в чем был бросился в воду. Не успел я опомниться, он уже вынырнул возле удочек и, тыкая в мою сторону острым концом огромного полена, забормотал:

— На, на! Жри на здоровье! Дарю, дарю! Я протянул руку к полену. Оно было невероятно склизкое и вдруг, извернувшись, цепко ухватило меня за запястье. Я дернулся, закричал и упал в воду. Мужик же, ухнув, снова скрылся под водой.

Придя в себя, я увидел его на прежнем месте, на островке. Одежда на нем была сухая, будто он в воде и не был. Повернувшись ко мне, он проговорил:

— Эх ты, боязливой. Вахрамеевны испугался. Э? Да ить ей уж в обед триста лет будет! Последние зубы выпадают. Не бойсь, не бойсь!

Увядав, что я вытащил из воды удилище и начал лихорадочно сматывать, он сказал примирительно:

— Обожди! Куды наострился? Ты уйдешь, а я опять умного разговору не буду иметь? Скучно мне, брат. Я сказал — не ходи! — с угрозой крикнул он. — Смотри, парень, худо будет. Ай ты меня не признал? Ить я водяной.

У меня закружилась голова. Я лег на берег, опустил лоб в воду.

— Вахрамеевна! — позвал мужик.

Я судорожно отдернулся от воды и отполз в сторону.

— Эк тебя разбирает! — В голосе его звучала досада. — Городской, что ли?

— А... ага... В со... собесе работаю... — ответил я, пытаюсь придать значительность последним словам.

— В собесе? — Водяной задумался. — Надо бы и мне там кой-какие дела вырешить. Тады я с тобой дружить буду. Ладно, а?

— Ла... Ладно.

— Вот то-то! — Он обхватил ладонями коленки и возвел глаза к небу. — Люблю опчество. Мне и здесь хорошо, правда, куда как тихо! И шуму никакого — ну, просто не переносу. А опчество люблю, брат. Так, чтобы разговоры, то да се. Иногда как приедут, зачнут бухать да лаяться — ох, совсем беда! А попробуй что скажи! Ладно, если только облают. А то позапрошлый год взрывом как бабахнули — у меня и ум отшибло. Неделю здесь после отлеживался, да месяц в больницу ходил, этими, как их, токами лечился! Ох-хо, жизнь наша бекова.

— Вы, как я понимаю, лешим при здешних местах числитесь? — осторожно спросил я.

Он даже руками замахал:

— Опомнись ты! Ох, народ дурной. Да у него, у дедушки, и ладошки деревянные. А мои — глянть! — И звонко захлопал. Вода вокруг острова забурилась, раздался писк и кваканье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.